

Глава 1. Записки, испачканные кровью

Дожди лили уже несколько дней, и город Лунъинь снова окутали свинцовые тучи.

Мастерская бумажных изделий на самом краю улицы Хуайань стояла с наглухо закрытыми дверями и окнами. У входа покачивалась вывеска, обтянутая белой тканью.

На ней тушью был выведен огромный иероглиф «Скорбь». Он походил на повешенного в белых одеждах, раскачивающегося на ветру.

Из-за обветшалой низкой двери соседней цветочной лавки донёлся скрип.

На улицу, опираясь на клюку, вышла иссохшая старуха с седыми волосами.

Она сделала пару шагов в сторону и, увидев, что дверь соседнего заведения по-прежнему заперта, а внутри царит мрак, покачала головой и вздохнула.

Сын Линь Чанши, владельца мастерской, болел уже несколько месяцев, и ему всё не становилось лучше. Постепенно старик совсем потерял интерес к работе.

К тому же, заказов в лавке и так было немного, поэтому она то и дело стояла закрытой.

— Уже четыре-пять дней прошло, — пробормотала старушка, загибая пальцы. — Почему до сих пор не открылись?

Улица была пустынна, фонари едва мерцали, и не было видно ни души, так что ответить ей было некому.

Она постояла немного, опираясь на клюку, а затем медленно подошла к двери и постучала.

Внутри мастерской.

В тускло освещённой комнатке у стены стояла узкая деревянная кровать.

На ней, укутанный в тонкое одеяло, спал бледный юноша.

Из-за долгой болезни он сильно исхудал, его скулы резко очерчивались, а на плотно сжатых губах не было ни кровинки.

— Тук-тук!

Внезапный стук в дверь нарушил тишину.

Ресницы юноши, тонкие и слегка вьющиеся, дрогнули, и он медленно открыл глаза.

Перед ним расстилалась непроглядная тьма.

Он несколько мгновений смотрел в темноту, приходя в себя, а затем с трудом сел.

— Линь Чанши, Линь Чанши!

— Как там твой паренёк?

Линь Цисуй вздрогнул. В голове загудело, и его сознание захлестнул поток хаотичных воспоминаний.

Линь Чанши был его отцом, единственным мастером бумажных изделий в городе Лунбинь.

Мужчина держал лавку, где в основном делал ритуальные предметы для похорон. Иногда он брался за поручения господина Сы: помогал семьям усопших проводить обряды, сжигал ритуальные деньги, оплакивал покойных и читал сутры, чтобы подзаработать.

Мать умерла при родах, и отец воспитывал сына в одиночку. С самого детства тот был слабым и болезненным.

Этой весной, во время последних заморозков, юноша простудился и слёг.

Болезнь тянулась несколько месяцев, он почти всё время проводил в полузабытьи, но теперь, кажется, наконец-то поправился.

— Линь Чанши! Открой дверь!

Снаружи продолжал кричать старческий голос:

— Уже четыре-пять дней прошло, как бы с вами чего не случилось!

Юноша потёр пульсирующие виски, накинул верхнюю одежду и встал с кровати.

Он подошёл к двери, снял засов и распахнул её.

В тот же миг в лицо ударил порыв ледяного ветра, несущего с собой солёные капли дождя. Линь Цисуй пошатнулся и сделал несколько шагов назад, чтобы устоять на ногах.

— Ого, паренёк Линь, ты поправился?

Грубый, скрипучий голос, словно скрежет песка.

На пороге стояла иссохшая старуха в чёрном платье с орнаментом.

Она была настолько худой, что потеряла человеческие очертания. Казалось, под свободной одеждой скрывается лишь скелет, обтянутый тонким слоем кожи — вылитая бумажная фигурка.

Юноша невольно вздрогнул. Когда он посмотрел на лицо соседки, его взгляд упёрся в глубоко запавшие, тёмные глазницы.

Приглядевшись, парень увидел внутри крошечные чёрные глазки-бусинки, горевшие неестественно ярко.

— Да, — он глубоко вздохнул, пытаясь унять колотящееся сердце. — Уже всё в порядке, бабушка Чжан.

— Вот и славно! — Седовласая женщина, казалось, обрадовалась его ответу. Она смерила парня взглядом с головы до ног и заглянула в дом. — А где твой отец?

— Мой... отец?

У Линь Цисуя внезапно закружилась голова.

Линь Чанши?

«Точно, с тех пор как я очнулся, я ни разу не видел отца»

— Он, наверное, ушёл по делам...

Не успел он договорить, как крошечные глазки Чжан-попо забегали.

Одной рукой она опиралась на клюку, а другую, костлявую и дрожащую, подняла и указала за

спину юноши.

— Паренёк Линь, — губы старухи растянулись в жуткой ухмылке.

— Посмотри, кто это там?

Сердце юноши сжалось, и по спине, словно тысячи муравьёв, пробежал леденящий холодок.

Он медленно обернулся в том направлении, куда указывала костлявая рука.

В гостиной, прямо напротив входа, на маленьком стуле сидел его отец.

Линь Чанши был одет в тёмно-коричневую рубаху из грубой ткани. В груди, там, где находилось сердце, зияла кровавая дыра размером с кулак. Кровь хлынула из раны, пропитав почти всю одежду.

Лицо его было сине-чёрным, глаза широко раскрыты, а у рта и носа запеклась тёмная кровь. Голова безвольно свесилась на плечо.

Было очевидно, что мастер мёртв, и мёртв уже давно.

Линь Цисуй ахнул. Рана выглядела так, будто кто-то вырвал сердце голыми руками.

«Когда? — юноша похолодел от ужаса. — Неужели что-то пробралось в дом, пока я спал?»

— Ой-ой-ой! — Старуха вдруг прикрыла рот рукой, изображая удивление и беспокойство. — Как же это он здесь уснул? Дождь идёт уже который день, простудится ведь.

— Хи-хи-хи, паренёк Линь, скорее заведи его в дом.

Бабушка Чжан засмеялась. Её голос стал пронзительным, а крошечные глазки сузились в щёлочки, что в тёмных глазницах выглядело особенно жутко.

Юноша поспешно отвёл взгляд.

— Громых!

Внезапный удар грома расколол небо, на миг озарив всё мертвенно-белым светом.

Хлынул ливень. Крупные капли с глухим стуком ударялись о землю, разлетаясь во все стороны.

Линь Цисуй стоял у самого порога, и капли попадали на него. Он отступил на несколько шагов вглубь комнаты и увидел, как Чжан-попо, растянув в усмешке сухие, потрескавшиеся губы, невозмутимо стоит под проливным дождём, и ни одна капля не касается её.

— Пойду я, пойду...

Она развернулась на месте, опираясь на клюку, и, что-то бормоча себе под нос, медленно побрела к соседнему дому.

— Тук! Тук! Тук!

Тонкая клюка отчётливо стучала по земле. Этот звук, смешиваясь с шумом дождя, казался странно далёким и протяжным.

— Кхэ-кхэ...

Линь Цисуй опёрся о дверной косяк, жадно хватая ртом воздух.

Он так пристально смотрел на старуху, что сам не заметил, как перестал дышать.

«Слишком странно. — юноша с трудом перевёл дух. — Всё это слишком странно»

Внезапно умерший в доме отец, жуткая соседка...

«Почему, стоило мне очнуться, вокруг не осталось ни одного нормального человека? — мысли роились в голове, причиняя боль. — И почему смерть отца не вызывает у меня ни капли печали?»

Дождь усиливался, небо потемнело так, что почти ничего не было видно. В этот момент с улицы донеслось несколько ударов колотушки. Только что пробило час Петуха.

По-хорошему, в такой ливень следовало бы немедленно закрыть дверь.

Но за спиной находился труп Линь Чанши с его ужасающей предсмертной гримасой. Если парень закроет дверь, то останется с этим телом в одной комнате.

Линь Цисуй почувствовал, как по коже пробежали мурашки. Поколебавшись, он всё же оставил дверь открытой и вернулся в гостиную, чтобы осмотреть покойного.

Краем глаза он заметил, что вокруг разбросаны какие-то вещи. Возможно, они помогут пролить свет на смерть мастера.

В тусклом свете, проникавшем с улицы, юноша разглядел царивший в гостиной беспорядок.

Перевернутая бумажная лошадь, лужа пролитого клея, разбросанные листы цветной бумаги и банки с красками.

Рядом с окоченевшим телом стоял потухший подсвечник, лежал недоделанный сундук для приданого, а у ног — раскрытый свиток записей.

Рукопись валялась прямо у ног Линь Чанши, один её уголок был запачкан брызгами крови.

Линь Цисуй наклонился и поднял её. Корявые иероглифы гласили:

[Запреты Мастерской бумажных изделий]

[Первое: правила мастерской строги. Непременно закрывать лавку до наступления темноты, ночью запрещено зажигать свет и работать]

[Второе: для свадьбы дочери семьи Ван требуются: один свадебный паланкин, одна драгоценная лошадь, четыре сундука с приданым, четыре носильщика, сваха и трое музыкантов. Срок — три дня]

[Третье: для мастера бумажных изделий готовые изделия — самое важное. Пожалуйста, берегите их в целости]

[Четвёртое: непременно передайте готовые изделия заказчику до наступления темноты на третий день]

[Пятое: если ночью кто-то постучит, можно открывать, лишь убедившись, что это сам заказчик]

[Шестое: в преддверии великого радостного дня, непременно верьте невесте и слушайте её]

Текста было немного, и Линь Цисуй знал каждый иероглиф, но вместе они звучали донельзя странно.

«Если Линь Чанши действительно погиб из-за того, что нарушил один из этих запретов... — юноша замер. — То оставшуюся работу придётся доделывать мне?»

Хотя его отец и был мастером бумажных изделий, сам он в этом ремесле ничего не смыслил.

Ливень за окном не прекращался, и скоро должно было совсем стемнеть. Линь Цисуй решил для начала последовать указаниям из записок.

Он закрыл дверь мастерской, в темноте забрался на кровать, закрыл глаза и заставил себя уснуть.

Дождь барабанил по крыше, раздражая и не давая покоя. Дверь лавки скрипела и хлопала на ветру.

Линь Цисуй нахмурился и натянул одеяло на голову, закрывая уши.

Неизвестно, сколько прошло времени, но в конце концов он погрузился в тревожный сон.

Посреди ночи.

Его разбудил резкий, настойчивый стук в дверь.

— Тук-тук-тук!

— Тук-тук-тук-тук!

Стук становился всё громче и торопливее.

Линь Цисуй резко открыл глаза, но увидел лишь непроглядную тьму.

Он вспомнил о записках, снова закрыл глаза и притворился, что ничего не слышит.

Но звуки не прекращались, словно тот, кто был снаружи, знал, что парень проснулся.

— Линь Чанши!

— Линь Чанши!

Раздался пронзительный, скрипучий женский голос.

— Как там работа? Я пришла от дочки проведать! — произнесло существо за дверью.

Ладони юноши, сжимавшие одеяло, взмокли от холодного пота, но он по-прежнему не собирался вставать.

Но в этот самый момент...

Он отчётливо услышал, как из гостиной донёсся голос его отца.

— Ещё не готово, приходи через два дня! — ответил Линь Чанши.

— Старый хрыч! — выругалась женщина пронзительным голосом. — Старый лжец!

— Не откроешь, я сама войду!

— Щёлк.

В голове у юноши загудело.

Этот щелчок... так звучал засов на входной двери, когда его открывали.

Он резко сел на кровати, сжимая одеяло, и, затаив дыхание, прислушался к происходящему снаружи.

Однако за дверью царил мёртвая тишина, нарушаемая лишь его собственным прерывистым дыханием и гулким стуком сердца.

Неизвестно, сколько прошло времени. Набрался смелости, он встал с кровати и, не зажигая свечи, тихонько приоткрыл дверь своей комнаты.

Ливень прекратился.

Гостиную заливал серебристый лунный свет, отчётливо освещая всё вокруг.

Юноша в просторной ночной рубаше, худой и хрупкий, опёрся о дверной косяк. Чёрные, как смоль, волосы рассыпались по плечам, обрамляя бледное лицо.

Он обвёл взглядом место, где находилось тело Линь Чанши, и его тёмные, словно стеклянные, глаза расширились от ужаса.

Труп, который раньше сидел на стуле, теперь скорчился на нём в невероятно странной позе. Его массивное тело сжалось в комок, спина выгнулась дугой — вылитая кошка.

Словно почувствовав взгляд сына, голова, до этого повернутая к двери, вдруг медленно развернулась.

— Громых!

В тот миг, когда их взоры встретились, небо прочертила молния.

Сине-чёрная, уже начавшая разлагаться голова покойного с сухим треском свесилась на плечо.

Его гниющий, почерневший рот шевельнулся, и из него вырвался странный звук, похожий на «мяу».

Лицо Линь Цисуя, и без того бледное, потеряло последнюю краску.

Его пальцы мёртвой хваткой вцепились в дверной косяк, ногти глубоко вонзились в дерево. Когда Линь Чанши поднял руку и сделал движение, будто кошка, чешущая за ухом, в глазах у юноши потемнело, и он без чувств рухнул на пол.

<http://bllate.org/book/13453/1662874>